

Блуждающая в тумане

00:00

16+

Дока Анастасия

Анастасия Дока
Блуждая в тумане

«ЛитРес: Самиздат»

2017

Дока А. К.

Блуждая в тумане / А. К. Дока — «ЛитРес: Самиздат», 2017

Частный детектив Александра Селиверстова берется за дело о двойном убийстве. Жертвами стали психолог и администратор медицинского центра. Единственная подозреваемая - пациентка, потерявшая память после аварии. В полиции уверены, что именно она убийца, но Александра видит слишком много нестыковок. Чем больше она пытается разобраться в этой истории, тем запутаннее становится дело. Вскоре она узнает, что никакой аварии не было, медицинского центра не существует, а пациентка живет под вымышленным именем.

Содержание

Часть первая	5
Глава 1	5
Глава 2	10
Глава 3	16
Глава 4	20
Глава 5	23
Глава 6	26
Глава 7	29
Глава 8	32
Глава 9	35
Конец ознакомительного фрагмента.	36

Часть первая

Фрагменты

Глава 1

Она сидела в кабинете и чувствовала себя неуверенно. Все ее тело было напряжено, а мысли судорожно перескакивали друг через друга, подобно взбесившимся овцам. Она с нетерпением ожидала, когда он закончит читать. Ожидала какого-то объяснения – надеялась, что он сможет ее успокоить.

Все началось с исчезновения.

Помню, как в семь утра зазвонил будильник на мобильном, а в семь сорок я поставила яблочный пирог в микроволновку.

В восемь ты так и не вышел из спальни, и я пошла тебя будить. Наши комнаты располагаются напротив, и сначала я заглянула к себе проверить не проснулась ли Катюшка, но она, как всегда, спала так крепко, что вряд ли бы проснулась, даже начнись война. Затем я накрыла нашу дочь красным одеяльцем с белыми слониками.

Бросаю взгляд на дисплей телефона – восемь десять. Иду в твою спальню. Пора просыпаться, а то ты опоздаешь на новую работу, а я не хочу, чтобы у тебя начались проблемы в первую же неделю.

Медленно поворачиваю ручку и слышу голос старины Элтона Джона. Мелодия не замолкает и меня немного настораживает то, что ты не берешь телефон. Ну же, ответь на звонок. Приоткрываю дверь и первое, что мне попадает на глаза, это мобильник: он лежит на полу рядом с прикроватным столиком кофейного цвета. Вспоминаю, что не сварила тебе кофе, закрываю дверь и бегу вниз по ступенькам.

Восемь пятнадцать. Пирог давно остыл, кофе готов, а ты все не спускаешься. Слышу, как к дому подъезжает машина и выглядываю в окно – это Алексей приехал. Снова смотрю на часы – восемь семнадцать. Наконец раздаются шаги. Оборачиваюсь. Наверху стоит Катюшка. Я в очередной раз отмечаю насколько она похожа на тебя. Твой цвет глаз. Серый. Твоя улыбка. Смех. Ничего моего. Забавно.

– А где папочка? – спрашивает она с легкой обидой в голосе, и я понимаю, что у нее есть право на эту обиду. Из-за работы ты так редко проводишь с ней время, но теперь все изменится и уже к вечеру Катюшка перестанет дуться, а завтра, возможно, ты сам сможешь забрать ее из садика.

Отодвигаю стул, а Катюшка уже тянется за остывшим пирогом, хватая самый большой кусок и смеется. Я люблюсь на нашу дочь – на нее невозможно не любоваться. В такие минуты мне кажется, будто время останавливается. Может так оно и есть? Но тут раздается звонок в дверь.

– Это папочка? – спрашивает Катюшка.

– Нет, дядя Леша. Папа сейчас спустится, – отвечаю и понимаю, что здесь что-то не так. На Катюшке твои тапки, значит она была в твоей комнате, но почему тогда она тебя не видела? Не успев открыть входную дверь, бросаюсь к лестнице и, подходя к спальне, вижу все тот же мобильный на полу. Распахиваю дверь и не могу поверить своим глазам: простынь смята, одеяло свисает с кровати, но тебя нет. Где же ты? Что за дурацкую игру затеял?

– Мама, дядя Леша спрашивает, когда папа спустится?

Слышу голос дочери и шаги Алексея. Говорю, что ты наверно в гараже и беги туда, но там пусто: может, ты сумел как-то незаметно пройти в гостиницу?

Несусь обратно в дом: в глаза бросается диван со слегка обшарпанной обивкой. Совершенно не вовремя думаю о том, что теперь выброшу эту рухлядь.

Зачем-то заглядываю под диван: тебя там, конечно, нет, но я нахожусь старую открытку. На ней выведены слова «МЕЧТЫ СБЫВАЮТСЯ!»

Думаю о том, что мои мечты давно сбылись и сейчас мне нужно только одно – найти тебя. Я хочу, чтобы ты закончил эту идиотскую игру в прятки. Ты же знаешь, я не люблю прятки!

Как сумасшедшая бегаю по дому из угла в угол и ищу тебя. Зову в голос. Понимаю, что пугаю Катюшку. Я и сама напугана. Еще вечером мы ужинали всей семьей. Помню, как у тебя разболелась голова, и я лично помогла тебе лечь в постель, а ночью, когда ходила в туалет, заходила и проверяла, спишь ты или нет. И ты спал! Спал, черт возьми!

– Мама, мамочка, что с тобой?

Я не знаю, что ответить. Просто не понимаю, что происходит. Может Алексей знает, что за шутку ты придумал? Оборачиваюсь и вижу Катюшку.

– А где дядя Леша? – спрашиваю я и вижу ее теперь уже растерянное личико.

И только теперь замечаю еще одного человека – мужчину в полицейской форме.

...

Он поднял глаза и затем протянул листок:

– Вы так подробно все запомнили? Это невероятно.

– Вы просили, чтобы я записала сон сразу как проснусь, – медленно ответила она и убрала листок в сумочку, – так я и сделала.

Сделал очередную пометку в толстом блокноте. Женщина посмотрела на кислотно-зеленую обложку, а затем отвела взгляд в сторону: большое прямоугольное окно в белоснежной раме, на полу стоит горшок с цветами – комнатные розы красного цвета. Не похоже, чтобы Виктор Андреевич интересовался растениями, но что-то они здесь все-таки делают. Может этот кабинет раньше принадлежал женщине-психологу? Она почувствовала его изучающий взгляд, нехотя заглянула в глаза, спрятанные за тонкими прямоугольными стеклами очков, и на мгновение в голову, подобно бабочке, впорхнула мысль, будто она где-то видела эти глаза, еще до начала их сеансов.

– Мария?

Она почему-то вздрогнула, когда услышала это имя. В голове снова нелепая мысль: «Это не я».

– Как вы думаете, почему вам снятся все эти сны?

Нервно потирая ладони, она пожала плечами.

– До аварии вам снилось нечто похожее?

Она отрицательно покачала головой. Психолог сделал очередную пометку в ядовито-зеленом блокноте. Ей с первой встречи не понравился цвет – он вызывал чувство необъяснимой тревоги. Сам Виктор Андреевич вызывал в ней чувство необъяснимой тревоги.

– А девочка из сна кажется вам знакомой?

– Я, я не знаю. Не помню.

– Хорошо. А дом, что вы видите?

– Нет, кажется. Я, я не знаю.

– Хорошо.

Мария почувствовала, как слезы начинают жечь глаза и с отчаянием выкрикнула:

– Что здесь хорошего?! Что мне делать? Я шестой раз прихожу к вам, сажусь в это дурацкое кресло и рассказываю эти жуткие сны! Зачем вы меня мучаете? Почему не пытаетесь выяснить причину кошмаров?

– Мария, вы на взводе, понимаю – такая травма не может пройти бесследно. Возможно, это последствия. Назовем их посттравматическим шоком. Такое случается. В моей практике бывали случаи, когда пациенты начинали слышать голоса и даже вспоминать вещи, которых до этого не знали. Успокойтесь, глубоко вдохните и равномерно выпустите свою агрессию.

Она не стала следовать его совету и лишь надула щеки, как обиженная маленькая девочка. От него это не ускользнуло, и он почти отцовским тоном добавил:

– Не будьте бякой. Если хотите, мы можем вернуться к тому, с чего начали.

Не будь бякой. Кажется, так говорил ее отец. Да, он называл ее своей маленькой бякой каждый раз, когда она дулась. Прошло уже больше двух лет, как его не стало. Они были очень близки. Он умер от болезни...

Растерянность. После аварии многие вещи стерлись из памяти, в том числе и название болезни, зато появились эти сны, а еще головная боль. Вот и сейчас она начинала ощущать ее приближение. Это было похоже на усиливающуюся барабанную дробь во время марша, вот только мысли в голове не маршировали, а сбивались в кучу. Она подумала о красном одеяльце с белыми слониками, о том, какое оно мягкое. Кажется, из плюша. Да о чем она только думает?! Это ведь сон. Нет никакого одеяльца!

– Так вы желаете продолжить? – голос Виктора Андреевича вернул ее к реальности.

Мария неуверенно взглянула в его такие чужие и одновременно знакомые глаза и медленно кивнула.

– Хорошо.

Очередная пометка.

– Я хочу, чтобы вы закрыли глаза и представили, что находитесь в том доме.

– Вы ведь хотели начать сначала, – растерянно заметила Мария, разглаживая несуществующие складки на светло-сером платье.

– Мы и начнем, но постараемся отключить ваше ощущение реальности.

Ощущение реальности? Он действительно это произнес?! Да она уже больше месяца живет в каком-то непонятном мире и едва узнает окружающих людей!

Виктор Андреевич тем временем продолжал:

– Вы готовы?

Она неуверенно кивнула.

– Хорошо. Вы в том доме. Опишите его.

Мария закрыла глаза и произнесла:

– Двухэтажное здание с зеленым забором.

– Какая крыша?

– Зеленая. Кажется, шифер.

– У этого здания есть какие-то особенности?

– Да нет.

– Вы не уверены.

Она уже ни в чем не была уверена. Память услужливо рисовала непонятные образы зверей. Мария видела то ли белку, то ли лисичку. Образы больше всего походили на детские рисунки, но во сне не было ничего подобного. Откуда же они взялись?

– Вы что-то вспомнили?

Она не ответила.

Психолог продолжил:

– Хорошо. Идем дальше. Заходите в дом. Опишите обстановку.

Она будто снова погрузилась в сон и отчетливо увидела кремовые обои, фотографию в рамке. На ней были мужские глаза: серые глубокие и невероятно уставшие, а чуть левее на стене висела корзина с искусственными цветами. Это были белые розы.

– Мария, что вы видите?

Она должна была ответить, но словно чья-то рука закрыла рот и повела дальше по закоулкам сна. Или памяти? И она была не в силах произнести ни слова и просто смотрела по сторонам.

Мария видела деревянный прямоугольный стол без скатерти. Вся его поверхность была усыпана разноцветными подставками под горячее: они были похожи на гигантские конфетти. Неожиданно в памяти всплыл короткий фрагмент: она задувает свечу на кремовом торте, а вокруг разбросаны конфетти. Да, она помнит этот день. Кажется, это ее двадцатый день рождения.

Откуда-то издалека донесся голос:

– Мария, с вами все в порядке? Мария...

Она открыла глаза. Виктор Андреевич навис над ней, подобно иссохшему атланту.

– Вы в порядке?

Мария его будто не слышала. Она все еще думала о дне рождения и пыталась вспомнить с какой начинкой был торт.

– Мария...

Она попыталась приподняться, но Виктор Андреевич мягко и настойчиво вернул ее в кресло, и тут она неожиданно вспомнила:

– Это была вишня!

И начинка была именно такой, как она любит: изредка попадающиеся целые ягоды наполняли рот кисло-сладким вкусом.

– Вишня? О чем вы, Мария?

Женщина помотала головой, и длинные смоляные пряди упали на лицо. Она словно пыталась отогнать сумбурные мысли и вернуться в реальность. Получилось. Пропал и дом из сна, и кремовый торт, но она была рада, что вспомнила хоть что-то. Мария не сомневалась: вишни были реальными воспоминаниями, и это придало ей уверенности. Наконец она смогла ответить Виктору Андреевичу.

– Я люблю вишню, – и даже улыбнулась.

Психолог выглядел растерянным. В его узловатых пальцах снова появился блокнот. Очередная пометка.

– Вернемся к вашему сну. Что вы видели?

– Все то же самое, – уже спокойнее ответила Мария. – Дом, мебель, еще фотографию.

– Фотографию?

Он насторожился или ей кажется?

– Расскажите о ней.

– Прямоугольное фото в белой рамке. На фото мужские глаза.

– Вы видели их цвет?

– Они серые.

Очередная пометка.

– Что еще?

– Все остальное я вам уже рассказывала, – она снова теребила свое платье.

– Может появились какие-то новые детали?

– Только фотография.

Пометка. Мария снова обратила внимание на обложку. На долю секунды, словно светлячок во тьме, в голове вспыхнула мысль: *«Не надо сюда больше приходить»*. И так же быстро, как появилась, мысль исчезла – светлячок улетел.

Виктор Андреевич поправил очки в золотистой оправе и произнес:

– Хорошо. Если вы еще не устали, поговорим о форме вашего сна.

Именно это пугало ее больше всего. Виктор Андреевич будто прочел мысли:

– Не бойтесь. Расскажите все, как есть.

Она неуверенно кивнула.

– Как начинается ваш сон?

Мария снова начала теревить подол серого платья и не к месту подумала о том, что даже в школьные годы ее одежда была неброской. На выпускном у нее вообще было самое простое платье бежевого цвета. Еще одно воспоминание? Мария улыбнулась, и это не ускользнуло от психолога.

– Мария, вы что-то вспомнили?

– Я... так, мелочь.

– Если вы что-то вспомнили... – Договорить он не успел.

Навязчивая трель телефона заполнила собой все пространство, и Виктор Андреевич вынужден был ответить. Мария наблюдала, как он подходит к вешалке, хлопает по карманам черного плаща, и этот простой жест показался ей знакомым. Барабанная дробь вернулась так резко, что она сморщилась и схватилась за голову. Мелодия тем временем нарастала. Виктор Андреевич наконец коснулся дисплея:

– Не сейчас, я перезвоню. Нет, не заходи.

Мария видела его напряженное лицо, видела, как он поправил очки, как покосился в ее сторону, а головная боль уже становилась невыносимой. Всего мгновение и единым взмахом Марию накрыла тьма.

Глава 2

Раннее утро выдалось ветреным и пасмурным. Небо заполнили серые тучи, и, казалось, вот-вот и они прорвутся, погружая улицу в грязный ледяной океан, а ведь грязи вокруг и так хватало: асфальт в подтеках из смеси бензина и собачьих экскрементов, черная вода, вытекающая из разбитых клумб с некогда цветущими гиацинтами, перевернутые мусорные баки, следы рвоты и мочи, разбросанные по периметру шприцы, разорванные презервативы и дополняла всю эту чудесную картину дохлая мышь. Она лежала у большого проема на входе. В общем не самое приятное место, где Инге доводилось бывать, но ничего не попишешь – трупы зачастую находят именно в таких злополучных местах. Она неохотно переступила через дохлую мышь, зацепилась за какую-то торчащую из земли железку, чуть не порвала свой новенький и достаточно дорогой плащ и недовольно посмотрела на ждущую ее детектива.

– Неужели сложно было предупредить куда мы едем? – спросила Инга, зевая.

– Так интереснее. Твоя реакция меня забавляет, – Александра вошла в проем, бывший некогда дверью.

Инга нахмурилась, но все же проследовала за детективом.

– Вы сказали, что труп здесь.

– Да, но сначала я хочу, чтобы ты осмотрела территорию, – Александра обвела рукой с таким величием, будто это были королевские хоромы, и она была их владелицей.

– Что тут смотреть? – Инга скривила свое милое личико и недовольно произнесла, – ну, разрушенное здание, ну, помойка, ну, грязь. Ничего не забыла? Ах, да, дохлая мышь.

– Крыса.

– Ох, простите, – в ее голосе прозвучало раздражение.

– Ты несерьезно относишься к делу.

Инга устало покосилась на детектива. Невозможно серьезно относиться к такому месту. Честно говоря, ей и на мертвеца было плевать. Александра ей тоже не нравилась. Слишком правильная, слишком умная. Не детектив, а профессор из университета. Инга здесь была только потому, что папа мечтал ее увидеть в рядах полиции. Только поэтому.

– Больше ты ничего не замечаешь? – тем временем продолжала Александра.

– А что я должна заметить?

– Ты мне и скажи.

Ох, и не любила же Инга все эти загадки. Будь ее воля, давно бы уже сбежала отсюда. Запах мочи и прочих нечистот сводил с ума, а эта детективша будто ничего и не замечала. Если бы Инге дали мужчину-детектива, она бы точно смогла его очаровать. Она знала, как ослепительна в этом голубеньком плаще: и не пришлось бы тогда ни выслушивать, ни отвечать на эти идиотские вопросы, но ей досталась Александра. Вздохнув, она обернулась и начала говорить, стараясь подмечать все детали. Ради папы.

– Ну, заброшенное полуразрушенное здание. Скорее всего раньше было каким-то комплексом.

– Почему ты так решила?

– Ну, по форме дыр в стенах. Они напоминают двери и окна.

– Это не аргумент, – Александра смотрела на Ингу, не отрываясь.

– Ну, еще у дальней стены проемы, напоминающие бывшие кабинки. Возможно, раздевалки, – Инга вздохнула.

– Хорошо. Дальше.

– Ну, кругом разбросаны шприцы, презервативы, обертки от шоколада.

Она наклонилась и стала внимательно рассматривать землю.

– Ну, какие-то клочки бумаги, окурки, шурупы.

– Гайки, – моментально поправила ее Александра.

– Ну, гайки. Целлофановые пакеты, обломки бетона, куски засохшего дерева, кирпичная крошка.

Она поднялась с корточек и с вызовом посмотрела на детектива:

– Достаточно или я еще не весь мусор перечислила?

– Что еще ты видишь?

– О, Боже, – Инга закатила глаза с густо накрашенными ресницами. – Что я еще вижу. Ну, граффити на левой стене. Уж извините, прочесть не могу. Не разбираюсь. Ну, порнографический рисунок. Ну, подтеки красной краски. Или крови?

– Это не кровь, – заметила Александра.

– Жаль. Хоть что-то интересное. Ну, две пивные бутылки у стены, ну, недоеденный бутерброд с чем-то белым.

– Это майонез.

– Ну... и все, пожалуй.

– Уверена? – взгляд детектива пронизывал похлеще ледяного ветра.

Александра резко склонила голову набок. Ее густые прямые волосы оттенка молочного шоколада каскадом легли на одну сторону. Инга не обратила на это никакого внимания и добавила:

– Ну, еще жуткая грязь идохлая мышь на входе.

– Крыса.

– Да какая разница?

Детектив нарочно повторила манипуляцию с волосами, но Инга уже смотрела на экран своего телефона, явно ожидая чего-то.

– Не прошла.

– Что? – Инга подняла глаза и с непониманием уставилась на Александру.

– Это был маленький экзамен, и ты его не прошла.

– Что? Как? Подождите! Это нечестно! Объясните в чем дело?

Детектив развернулась и двинулась по направлению к проему, заменяющему дверь. Инга поспешила за ней:

– Что я должна была увидеть? Да подождите, Александра...

– Ты даже отчества моего не запомнила.

Детектив произнесла это без обиды, но Инга все-равно испытала легкий стыд. Они работали вместе уже неделю: не то чтобы работали, правильнее сказать она ходила за детективом хвостиком уже неделю. Но не запомнить отчество... Это было ее самой большой ошибкой. Она уже решила, что не видать ей хорошей оценки, как неожиданно Александра обернулась и озарила ее вполне дружеской улыбкой:

– А ведь я тебе подсказывала. Дважды. Догадаешься в какой момент это было и, возможно, я забуду о твоей невнимательности.

Снова эти загадки. Уж лучше сразу провалиться на месте, но желательно все-таки не на этом зловонном месте. Она чувствовала – это ее последний шанс и стала прокручивать в памяти все, что только что было. Наконец, в голове зазвенел колокольчик. На лекциях по психологии это называли то ли инсейтом, то ли инсайтом.

Она улыбнулась и произнесла:

– Когда вы говорили о крысе, точно!

Александра стояла с непроницаемым выражением лица.

Неужели она промахнулась? Но ведь больше никаких подсказок не было. Зазвонил телефон, но Инга сбросила свою подругу. Теперь ее внимание всецело принадлежало детективу:

– Так я угадала?

– К сожалению, нет, – Александра развернулась и последовала по направлению к дороге.

– Но какой правильный ответ? Скажите!

Детектив резко остановилась и так же резко обернулась:

– А это будет твоим домашним заданием.

– Понять где была подсказка?

– Именно.

– Но... – Инга не знала, что сказать: вот влипла, так влипла.

Уже на остановке она хмуро спросила:

– А можно хоть узнать, где лежал труп?

Александра подняла воротник пальто, в очередной раз жалея, что не надела шарф. Затем убрала упавшую прядь волос с лица и ответила:

– У проема, заменявшего дверь. На входе.

Инга удивленно подняла идеально нарисованные брови:

– Так там же была только крыса.

Губы детектива изогнулись в улыбке:

– А никто и не говорил, что труп человеческий.

...

«Возможно я и была чересчур строга, но девочка должна понимать, что ей предстоит. Как говорится «тяжело в учении, легко в бою», – с такими мыслями Александра поднималась в свою квартиру на четвертом этаже.

Лифт, как назло, сломался и приходилось волочиться по грязной лестнице с обшарпанными перилами. Она мечтала, что когда-нибудь съедет отсюда и поселится в более благополучном доме. Эта девятиэтажка уже разваливалась. Капитальный ремонт не делали с 1980 года. Удивительно, как этот дом вообще продержался столько лет. Она пыталась достучаться до «Жилкомсервиса», но безуспешно и даже запугивание связями в полиции не привело ни к какому результату.

Александра дважды повернула ключ в замочной скважине и оказалась в маленькой прихожей. Выключатель уже неделю не работал, а ей все некогда было обратиться за помощью. Даже мастера было звать необязательно – этажом выше жил симпатичный сосед всегда готовый прийти на помощь. Но у нее было столько дел.

В детективном агентстве, которое она назвала в свою же честь, телефон разрывался от предложений. Репортеры звонили, желая взять интервью, граждане звали к правосудию и сетовали на полицию. Друзья криминалисты просили помощи в распутывании своих старых дел, а еще провода обрывали ее родители, возмущенные тем, что домашний телефон всегда молчит. Сплошное веселье. А началось все это после того, как кто-то сообщил в один крупный журнал, что она обладает *«фантастической интуицией и высоким интеллектом и все при том, что она женщина»*. И это вряд ли было комплиментом. Никакой шумихи и не было бы, если сказанное не являлось чистой правдой. Вот телефон и разрывался, а она всем хотела помочь.

Александра как Мать Тереза пыталась отвечать на звонок каждого – только родителей игнорировала. Они только и делали, что каждый раз заводили одну и ту же песнь: «Ты не должна такими вещами заниматься, ты должна уволиться, брось это дело, вернись в психологию, твоя работа слишком опасна». И так постоянно. Объяснять им свою любовь к головоломкам было бесполезно. Они и в детстве-то смеялись над ее играми в Шерлока Холмса, хотя она и находила потерянные ключи и носки. И пусть Александра уже давно переступила через порог подросткового возраста, уважения это ей не прибавило.

Темнота несколько не смущала. Иногда работать приходилось и не в таких условиях. Самым страшным местом, где ей доводилось бывать, была, безусловно, котельная. Необъяснимый страх сгореть заживо – вот чего она по-настоящему боялась.

Нащупав крючок слева от входной двери, она повесила сумку. Затем так же наощупь нашла прямоугольную дверцу шкафа, потянулась к ручке: шкаф открылся, обнажая две полки с обувью и вешалки с разнообразной верхней одеждой. Александра сняла пальто, повесила его на ближайшую из вешалок, затем поставила кожаные сапоги на самую нижнюю полку и задержалась в проходе, представляя какой растрепанной выглядит. После такого ветра не помешало бы и причесаться, но прежде, чем ступить на холодный кафель и приводить свою внешность в порядок, следовало надеть носки и поставить чайник. Со второй задачей она справилась без труда, и пузатому красному жителю оставалось только дожидаться своего звездного часа, чтобы возвестить о готовности пронзительным свистом.

А вот с носками возникли трудности. Об этом никто не знал, но детектив ненавидела обыкновенные тапки и испытывала страсть к носкам.

Она бросила сумку вместе с расческой на диван и выдвинула отсек, где хранилось постельное белье. Между стопкой отглаженных белоснежных простыней и ватным одеялом лежал большой белый пакет с приклеенной посередине бумажкой. На ней красовались буквы «СЗ».

Александра с нежностью вынула его из ящика и затем высыпала все содержимое на диван: пестрая горка вязаных носков различных оттенков зеленого заставила ее сердце биться чаще.

В ее небольшой квартире было множество мест, где хранились такие пакеты. В нижнем ящичке в ванной прятались носки «ЖО». Заглавные буквы означали принадлежность к цветовой гамме и подсказывали, что в пакете хранятся желтые, оранжевые, оранжево-желтые и всевозможные узоры из этих двух цветов. На кухне внутри угловой скамьи лежал пакет «ФС»: в нем были носки фиолетовых и сиреневых оттенков. В гостиной в тумбочке под телевизором хранился пакет «КР» с красно-розовыми носками, а в пуфике вместе с фурнитурой прятались коричнево-бежевые «КБ».

Пурпурные, голубые, малиновые, кирпичные, бирюзовые, серые, абрикосовые, карамельные. В этом царстве носков можно было найти практически все оттенки и делились они не только по цветам, но и по временам года. Шерстяные вязаные и с пухом относились к холодным сезонам, кружевные и хлопковые – к теплым.

А вообще, надо сказать, цвет играл в жизни Александры одну из главных ролей: он поднимал настроение, вдохновлял, успокаивал, помогал сосредоточиться, согревал и даже мог напугать. Ее эмоциональное состояние полностью отражалось на цветовых предпочтениях, и сейчас она выбирала между изумрудными носками и носками на два тона темнее, не в силах дать точную характеристику своему настроению. Она была раздражена, но на пятьдесят процентов или на семьдесят? Инга провалила задание и, похоже, так ничему и не научилась. Александра решила, что ей ближе второй вариант. Все-таки Инга была не просто малообразованной девчонкой, но еще и ленивой. И надела те носки, что были темнее.

На кухне засвистел чайник, и одновременно с ним зазвонил мобильный. На экране высветилось имя, которое вызывало лишь отрицательные эмоции – Конюхов Владимир Вениаминович, руководитель следственного отдела. Он лично год назад отчитал ее за то, что она указала на его ошибку перед подчиненными, а на утро после инцидента предложил сменить место работы, что она и сделала. И разговор с ним не мог быть приятным. Заранее готовясь выслушивать его вечно недовольный голос, она ответила на звонок.

– Селиверстова.

– Жалоба на тебя.

Последнее слово он будто выплюнул, и Александра машинально провела рукой по лицу, словно пытаясь смыть влажный след. Конюхов продолжал:

– Понимаешь ли ты речь о ком?!

Эти его речевые инверсии никогда Александру не забавляли, а в конкретной ситуации и вовсе вызвали лишь отвращение. Он обращался с ней не просто, как с женщиной, чье место на кухне. Он говорил с ней, как с очень недалекой женщиной.

– Фасулидзе не просто стажер – сама знаешь ее папа кто. И если она пожалуется ему, то жизнь веселая ожидает не только тебя, Селиверстова, но и меня.

– Кем бы ни были Фасулидзе, знания никто не отменял, – парировала детектив, – а этой девочке даже лень включить наблюдательность.

– Селиверстова, не шути. Задача твоя ей помочь.

– Я ей подсказывала. Дважды.

– Значит надо было трижды, – повысил голос Конюхов.

– Она не обратила внимание на самое элементарное, – выдохнула Александра.

– И на что же это?

– На мой знак.

– И ты указывала на что?

– Ни на что.

Повисла пауза. Она слышала, как собеседник закурил сигарету. Детектив знала, что это значит и улыбнулась.

– Селиверстова, меня не беси.

– И не пытаюсь, – Александра жалела, что Конюхов не видит ее улыбки. Такие мерзкие люди, как он, вызвали в ней приступы жалости и отвращения.

– Что к черту это значит?

Конюхов начинал терять терпение. Она это чувствовала по сбившемуся дыханию и даже представила как он тушит сигарету, не успев поднести ко рту.

– Селиверстова, что за цирк устроила ты?

– Выясняла степень ее внимательности, – спокойно ответила детектив, – а заодно и уверенности в собственных словах.

Он тяжело выдохнул:

– Не понимаю тебя я, Селиверстова.

– Во-первых, ее легко ввести в заблуждение, легко сбить столку. А во-вторых, главное не то, на что я указывала, а то, что она не обратила внимание на мое резкое изменение позы.

– Разница какая! – Конюхов уже кипел.

Александра вспомнила про чайник, подавила зачатки смеха и серьезно ответила:

– Разница в том, что на моем месте может оказаться ее коллега или, не дай Бог, жертва, и в момент опасности Фасулидзе просто не заметит подсказки, тем самым упуская, возможно, последний шанс на спасение. Или другой вариант: из-за своей невнимательности пропустит ключевую улику и, как следствие, не раскроет дело.

Пауза была дольше предыдущей. Александра успела выйти на кухню и насыпать листья зеленого чая с клубникой и чабрецом, достать свою любимую кружку с изображением космоса и поднять чайник с плиты, когда собеседник решил продолжить разговор.

– Ясно это, – произнес Конюхов уже тише. – А что там за проблема с мышью?

– С крысой, – поправила она, наливая кипяток.

– Так что?

– Я указала на ее ошибку.

– Это имело значение?

– Образованность всегда имеет значение.

Она открыла шкафчик и достала пачку печенья.

– Черт бы тебя побрал, Селиверстова! Забываешься ты.

– А вы не забывайте, кто попросил меня нянчиться с этой девчонкой! – парировала Александра.

– Я надеялся, что ты не будешь выкидывать штучки свои. Если бы мои сотрудники не были заняты делом, я не обратился бы к тебе. Это мера вынужденная. В следующий раз подумай о том, Фасулидзе кто такие.

Александра знала, почему Конюхов обратился к ней. Она была лучшая, но он этого, конечно, не признает.

– Надеюсь, поняла меня ты.

На этом разговор был окончен.

Александра прошла в ванную комнату, прихватив с собой расческу. Казалось, шоколадные пряди возмущались вместе с ней. Они никак не желали собираться в хвост и это вызывало раздражение. Недолго думая, она открыла кран, намочила расческу и начала тщательно проводить по каждой прядке. Способ сработал. Ей удалось привести в порядок не только волосы, но и мысли. Негативные эмоции сошли на нет.

Впереди ее ждала горячая кружка ароматного чая и печенье, что вкуче составляло прекрасное продолжение дня.

Глава 3

Голоса больше походили на помехи старого телевизора. Мария улавливала лишь отдельные звуки, но и это вызывало беспокойство. Она несколько раз попыталась открыть глаза, но ощутила такое жжение в области верхнего века, что не решилась разлепить ресницы и бросила эту затею. Голова была тяжелой, словно к ней привязали пятикилограммовую гирю и тянули из стороны в сторону. Она предприняла попытку повернуть голову, но и эта идея не увенчалась успехом. Тяжесть сдавливала шейные позвонки и обжигающей волной стремилась к грудной клетке. И тогда Мария постаралась сосредоточиться на сердечном ритме, и чем дольше она слушала неровное биение, тем отчетливее становились очертания помех. Постепенно они перестали быть бесплотным шумом и приобрели человеческие интонации. Сложились в слова.

Мария узнала голоса. Тихий вкрадчивый спокойный принадлежал ее психологу Виктору Андреевичу. Тягучий и сладкий, почти медовый – женщине-администратору, что сидела на входе в частный центр. Кажется, ее звали Ольга.

Они говорили о ней. Не называли имен, но она это чувствовала, как чувствовала и то, что услышанное невероятно важно и поэтому, оставив все попытки открыть глаза, просто лежала в кресле и ловила каждое слово.

– Одни проблемы в этом деле, – недовольно сказал Виктор Андреевич. – Что ты ей вколола?

– Хотела снотворное, но не успела, – с раздражением ответила Ольга. – Она уже грохнулась в обморок. Она меня напрягает, и ваши сеансы становятся все продолжительнее. Пора кончать. Может, как обычно?

– Нельзя. Босс против.

Ольга, судя по всему, закурила. Мария почувствовала аромат табака, смешанного с ментолом.

– Не нравится мне все это. Босс не объясняет причину, но убрать ее не разрешает. Что их может связывать?

Мария услышала, как открывается окно прямо у нее над головой. Пока никто не заметил, что она в сознании, и Марию это устраивало.

– Босс не из влюбчивых. Вряд ли дело в симпатии, – Виктор Андреевич перелистывал блокнот. Мария услышала шелест и почему-то вспомнила о своей любви к книгам. Да, точно, в детстве она обожала читать. Особенно историческую литературу.

– Страсть? Потянуло на молоденьких? – тем временем продолжала Ольга.

– Возможно, но подвергать опасности дело всей своей жизни из-за какой-то бабы?

– На него это непохоже, – Ольга звучно выдохнула дым, и Мария легко представила облако, обволакивающее стройную фигуру администратора.

– По правде говоря, – произнес Виктор Андреевич, – мне осточертело играть роль психолога. Рано или поздно она все равно все вспомнит. Память уже возвращается. Пока она жива, мы в опасности.

Мария похолодела. Это галлюцинации или кошмарный сон. Сейчас она откроет глаза и окажется в своей уютной квартире на Гарькавого. Налет кофе, сядет на диван и включит «Дискавери». Так и будет. Иначе и быть не может.

Но реальность пугающе звонко проникала в ее сознание: *«Пока она жива, мы в опасности»*.

Ольга тем временем заговорила чуть тише, так, что Марии пришлось напрячь слух, чтобы расслышать.

– Слушай, я могу вколоть ей «веронал», и она хорошенько проспится...

Она сделала паузу и уже шепотом медленно добавила:

– А могу совершить ошибку и перепутать лекарства.

Наступила тишина. Мрачная и пугающая. Мария буквально увидела себя с аккуратным и неброским макияжем и навеки закрытыми глазами. Она судорожно начала вспоминать слова «Отче наш»: так ее учил отец действовать в критических ситуациях, но, как назло, память снова подводила. Она не помнила ничего дальше первых трех строчек.

А потом ее словно оглушило. Казалось мир вокруг взорвался. Мария не помнила в какой именно момент открыла глаза. Может, когда прозвучал этот грохот или когда вспоминала молитву, но сейчас она в панике оглядывалась по сторонам. Попыталась приподняться, а сил хватило только на то, чтобы скатиться на пол. Мария больно ударилась локтем, и нервные окончания моментально взвыли. Она приподнялась на колени и поползла вперед. Мир молчал. Она даже не слышала биения собственного сердца. Возникла нелепая мысль: «*Может я умерла?*» Но телу не нравилась подобная версия, и оно упорно продолжало ползти, пока руки не наткнулись на блокнот. Взгляд пробежался по кислотно-зеленой обложке и замер на узловатых пальцах, безжизненно лежащих на полу. Как в замедленной съемке к Марии постепенно приходило осознание того, что эти пальцы больше не сожмут шариковую ручку, не сделают ни единой записи в толстом блокноте и больше никогда не поправят съехавшие очки в золотистой оправе.

И вместе с тем пришло осознание, что нужно бежать.

...

Она не помнила, как переступила через бездыханное тело Ольги, как вышла из кабинета, как бродила по улице под проливным дождем. Не слышала, как огромные капли стучали по асфальту, и сигналили водители на дороге. Не чувствовала холода, хотя и дрожала всем телом, и не видела мужчину, идущего следом за ней от медицинского центра до самого дома. В голове была пустота словно после тщательной работы пылесоса. Исчезли абсолютно все мысли, все чувства.

Она на автомате добрела до дома, зашла в подъезд и вызвала лифт. Пока, скрипя всем своим нутром, лифт поднимался на третий этаж, Мария рылась в сумочке, которую каким-то чудом догадалась забрать из кабинета. Ее пальцы что-то судорожно искали. Разум не смог бы ответить что именно – действовала мышечная память. Наконец упаковка с пустырником оказалась в руках. Мария разжевала таблетку так же на автомате и вышла из лифта.

Только оказавшись в квартире, она начала приходить в себя и первое чувство, ожившее внутри, оказалось страхом. Нужно бежать, но куда? Мысли в голове путались, и все вокруг казалось нереальным, будто это и не она вовсе только что стала невольной свидетельницей убийства. Перед глазами всплывали образы Виктора Андреевича и Ольги. Неужели кто-то безжалостно прервал их жизни? Но кто и почему? И почему она сама все еще жива, и что если убийца уже ожидает за дверью? Она медленно на цыпочках добралась до прихожей и мельком, дрожа всем телом, взглянула в глазок – никого. Может Бог даровал ей жизнь? От этой мысли стало чуть спокойнее, но ненадолго и вместо того, чтобы бежать, куда глаза глядят, Мария подобно промокшему напуганному зверьку забилась в угол дивана и сидела так до тех пор, пока не затекли ноги. Жуткий страх все еще сковывал и тело, и душу, а в голове было так много вопросов. Что все-таки произошло в кабинете? Что творится с ее памятью? Что вообще творится с ее жизнью? Вопросы, вопросы и ни единого ответа. Если бы хоть одна живая душа могла ей помочь, но обратиться было не к кому. Друзья, окружавшие ее после аварии, казались ненастоящими, и она их совершенно не помнила, а поэтому старалась любезно отказываться от любых предложений о встрече и редко отвечала на их звонки. Ни к кому из них она точно обратиться не могла. Мать умерла, когда Мария была подростком. Отец скончался больше двух лет назад. Он умер от какой-то болезни. Она попыталась вспомнить название и

в голове промелькнуло какое-то имя или фамилия, что-то немецкое. У нее возникли ассоциации с коровами. Не понимая причину, она ухватилась за эту внезапную мысль, надеясь, что в ней кроется подсказка.

Мария измеряла шагами свою небольшую гостиную, стараясь не думать о произошедшем и вопреки здравому смыслу не думала больше о побеге. Сейчас ей казалось, что нет ничего важнее ее потерянных воспоминаний, будто бы в них и крылись ответы на все вопросы, и, нервно вздохнув, она попыталась сосредоточиться на болезни.

Коровы. При чем здесь коровы? Возможно, животный вирус. Отец умер от заражения каким-то вирусом. Нет. Не то. Что-то другое. Что-то связанное с Великобританией. Ну же, не думай о произошедшем. Вспоминай. Вспоминай! Как твой отец мог быть связан с Великобританией? Ездил отдыхать, работать? У вас там родственники. Нет. Не то.

Она как заезженную пластинку повторяла одно и то же слово: «Великобритания, Великобритания», – и когда от частого повторения это слово перестало быть понятным, в памяти всплыл медицинский термин «Прион».

Мария замерла. Это слово она очень хорошо знала и понимала, что оно относится к медицине. Но откуда она это могла знать? Ее жизнь до аварии была как-то связана с медициной? Но она этого не помнила. Она ничего не помнила до того страшного дня. А в голове все звучало «Великобритания, прион, коровы». И от этих знакомых, и в то же время чужих слов хотелось взвыть. Она силилась вспомнить еще хоть что-нибудь, хоть какую-то деталь, но тщетно. Сознание словно нарочно путало мысли – дорожки, ведущие в прошлое и в настоящее. Мария чувствовала растерянность, но это было лучше, чем страх. Намного лучше.

Она медленно дошла до ванной комнаты, сняла мокрую от дождя одежду и встала под душ. Ей хотелось смыть все воспоминания о сегодняшнем происшествии.

Ледяная вода обжигала плечи, грудь, бедра, заставляла каждую клеточку тела ежиться от низкой температуры. Вода отрезвляла. Мария чувствовала себя спокойнее, увереннее и снова попыталась вернуть воспоминания.

Прион. На что похоже это слово? На нейтрон, протон? Какое-то химическое соединение? Близко, но нет. Возможно, следует подойти с другой стороны: «прион» в переводе с английского белок, да, кажется белок. Значит все-таки это как-то связано с коровами или с мясом. Да. Инфекция.

Головная боль не заставила себя долго ждать, и Мария ощутила, как первые маленькие палочки ударили по барабану, но боль ее не остановила. Мария понимала, что движется в верном направлении.

Итак, инфекция. Инфекция, связанная с мясом. Возможно отравление, нет. От этого существуют лекарства, а отец был неизлечим.

Она вспомнила его вытянутое худое, почти прозрачное лицо. Вспомнила выцветшие глаза. Глядя в них, казалось, будто кто-то взял тряпку и разом смыл все краски, а ведь глаза у него были красивые голубые, как летнее небо.

Мария почувствовала, как начинают неметь кончики пальцев и повернула кран с горячей водой. Мимолетная вспышка: душевая кабина, где она обнимает мужчину, он гладит ее смоляные волосы, а капли стекают по обнаженным телам и сливаются в единое целое. Мария почувствовала, как учащенно забилось сердце. Неужели это воспоминание реально? Или это все игры разума? Ведь подобное ей снилось. А затем перед глазами снова возникло лицо отца. Его испуганное выражение, невнятное бормотание, нервное перебирание пальцами кончика одеяла. Женщина подумала о нервах, о центральной системе, о белках и о старости. Все это было как-то взаимосвязано, но пока она не могла нащупать эту связь.

Нервное заболевание? Но при чем здесь белки? Старческое слабоумие? Но оно не приводит к смерти, только если это слабоумие не является следствием заражения каким-то виру-

сом. Нет, не вирусом, инфекцией. Следствием развития какой-то аномалии. Прионы, коровы, белки, аномалия, старость. Вот оно! У отца была прионная болезнь!

Мария почувствовала, как учащенно заколотилось сердце, как усилилась барабанная дробь. Еще чуть-чуть и, казалось, голова разорвется на части. Ей пришлось сжать виски, чтобы хоть немного облегчить боль.

Прионная болезнь или болезнь Крейтцфельдта-Якоба. Конечно! Крайне редкое заболевание, полностью разрушающее мозг. Как я могла забыть? И как я смогла вспомнить?

Ее радость сменилась болезненным чувством утраты. Мария вновь увидела смятые простыни и беспомощного отца. Вспомнила, как стремительно развивался этот кошмар.

За два месяца до смерти у него начало двоиться в глазах. Он видел соседа и каждый раз спрашивал, как поживает его брат-близнец и тот же вопрос задавал Марии: «Где моя вторая дочь? Почему ты мне о ней не рассказывала?»

У отца началось помутнение рассудка, а врачи разводили руками. Мария не знала, что делать. Все чаще ему стали мерещиться незнакомцы: он даже гонялся за ними по дому, пока однажды не упал и не вывихнул ногу. Слышал голоса и звуки, доносившиеся со всех сторон. Отец жаловался, что его кто-то пытается свести с ума, а потом и вовсе перестал узнавать свой дом, забыл имя дочери. За неделю до смерти его покинули силы. Он не мог передвигаться даже с посторонней помощью и целыми днями лежал на кровати. А потом стало еще хуже: отец перестал говорить, отказывался от еды. Его взгляд становился все более безумным. Он просыпался в поту и с настороженностью смотрел на теперь уже незнакомую дочь. Врачи диагностировали прионную болезнь уже после смерти. Сказали, что она была неизлечима.

Мария вышла из душа и еще долго стояла перед зеркалом, обмотанная полотенцем. Ее губы дрожали, а лицо было мокрым, но не от воды. Это были слезы.

Глава 4

Александра Селиверстова предпочитала особо часто не соваться в дела бывших коллег, но этот случай ее заинтересовал. Двое убитых, мгновенная смерть и подозреваемая женщина.

В три часа она пожертвовала своим редким выходным днем, отложила очередную книгу в мягкой обложке, на этот раз это был триллер, и принялась разрабатывать возможные версии.

Молодой оперативник Федоров сразу предложил две идеи. Первая – убийцей была недовольная клиентка. Вторым вариантом рассматривалась ревнивая жена. Следователь Тарасевич пошел дальше и подумал о психопатке, убивающей всех, кто как-то связан с психологией. Александра не поддерживала ни одну из версий.

Первые две были слишком очевидны: за время службы в полиции, а это ни много ни мало почти пять лет и за год работы частным детективом, она усвоила важную истину – очевидное не всегда значит верное. Ревнивая жена, недовольная клиентка – слишком просто, слишком предсказуемо. Убийца как на ладони. Профессионал так не поступит, а, судя по убийствам, работал профи.

Версия Тарасевича тоже была поверхностной. Психопаты не часто убивают из особенного оружия, а, исходя из того, что на телах были огромные рваные выходные отверстия, пули были нестандартными. Не дожидаясь криминалистической экспертизы, Александра могла бы сказать, что убийца использовал экспансивные пули. Их еще называли «цветы смерти». Поэтично? Да. На самом деле с цветами они не имели ничего общего и название свое получили только по способу действия: они раскрывались при попадании в мягкие ткани, нанося колоссальный урон жертве по сравнению с обычными. Почему раскрывающуюся пулю назвали именно цветком, она не знала, склонялась к мысли, что автор сего оружия был натурой романтической.

Александра ни разу не сталкивалась с подобным, но слышала не раз. Не нужно далеко ходить: Джон Леннон был убит таким способом. В него выпустили, кажется, пять пуль. Здесь по одной на каждого. Александра знала и еще одно: эти патроны были запрещены, но запрет можно было обойти, если ты полицейский или охотник. И если женщину полицейского представить было легко, то второй вариант в данном преступлении казался маловероятным.

Большая стрелка на часах лениво перевалила за шестерку, и Александра уставилась на телефон: друг-криминалист обещал позвонить в половине пятого, если что-то обнаружится. Время пришло.

Иван Резников позвонил с небольшим опозданием, но голос его звучал, как всегда бодро и освежающе. Александра дала ему прозвище «Бриз», он ей «Пуля».

– Привет, Пуля. Как тебе новое дело? Интерес вызывает или слишком простое?

Александра улыбнулась прежде, чем ответить. Она всегда улыбалась, когда слышала его голос.

– Это ты мне ответь: простое оно или нет?

– Федоров считает, что надо искать жену убитого. Он видит здесь убийственную ревность.

– Убийственную ревность? У этих двоих были отношения?

– Этого никто не знает, мы даже личности еще не установили, – вздохнул Иван.

– У вас там что, перерыв на торт?

– Хорошая шутка, но нет, работаем. Хотя от торта я и не отказался бы. И от выходного. Как, кстати, твой?

– Читала, – ответила Александра, бросая взгляд на книгу. Триллер снова был на книжной полке. Он так и манил ее окунуться в выдуманную историю, но теперь она не могла себе позволить такой роскоши. Сначала дело.

– Какой? – поинтересовался Иван, легко представляя домашнюю библиотеку подруги. Она была известным книголюбом, он – в меньшей степени.

– Хайсмит. «Незнакомцы в поезде».

– И как?

Понять стоящая книга или лишняя в ее громадном собрании Александра могла, прочитав первые семь страниц. В данном случае прочитано было уже семьдесят, поэтому она не стала задумываться над ответом и произнесла:

– Обязательно куплю и другие ее книги, но сначала хотелось бы дочитать до конца эту.

– Слушай, у нас тут тоже та еще история: во-первых, женщина-подозреваемая вызывает у меня только вопросы, и я сомневаюсь, что она может быть убийцей. Во-вторых, я лично просмотрел блокнот, найденный на месте преступления, и, знаешь, там довольно странные записи.

Он замолк. Александра напряглась. Она чувствовала, как сердце начинает ускорять свой ритм и с нетерпением ожидала продолжения.

– Подожди минуту. Я зачитаю.

Она услышала перелистывание бумаг и с легкостью представила стол Бриза, заваленный документацией. Посмотрела на свой диван: бежевая обивка пряталась под листьями, исписанными разноцветными чернилами.

– Ты еще тут?

– Да, Бриз, слушаю.

– Первая запись сделана четырнадцатого августа. Изначально сеансы проводились по воскресеньям. Последние три на этой неделе.

Она вытащила из длинного пенала красную ручку и на одном из листов сделала пометку.

– Зачитываю, – Иван откашлялся и добавил. – Меня эта запись заинтриговала.

– Читай.

– Сегодня я делаю вид, что мы не знакомы. Она ничего не подозревает и, похоже, верит. Ее беспокоит сон: разбитые стекла, шприцы, кадры из фильма о семейной паре. Пока все в порядке. У нее периодически возникают головные боли и провалы в памяти. Так и должно быть. Окружение работает как надо.

Иван снова закашлял. Александра переваривала полученную информацию. Дело становилось все интереснее.

– Ну как тебе, Пуля? Что скажешь?

– Действительно интригует. Читай дальше.

– Двадцать первое августа. Новый сон. Она видит больничную койку. Маленькую девочку с шариками, стойку с консервными банками, униформу кассирши. Все в порядке. Окружение работает.

Кашель.

– Продолжать?

– Да, но, Бриз, ты там не заболел?

– Успел простудиться. Сама знаешь какая сейчас погода. С утра было только пасмурно, а теперь ледяной ветер и уже мировой потоп.

Она улыбнулась:

– Тебе необходимо выпить витамин С и прогреть легкие.

– Да ладно, разберусь, но спасибо за заботу. Я продолжу?

– Тебе и самому становится интересно, не правда ли? – в голосе Александры проскочили нотки крайнего удовольствия.

Вместо ответа он продолжил читать:

– Двадцать восьмое августа. Ее тревожат ночные кошмары. Снится большой дом, детские крики, перевернутая машина, кровь на лобовом стекле, худой темноволосый мужчина. Надо сообщить боссу. Окружение работает.

Пауза. Иван ждал, пока подруга сделает свои пометки. Он слышал, как она перебирает ручки, и как шелестят листы.

– Босс. Интригует, – в ее голосе чувствовался азарт игрока, предчувствовавшего интересную партию. – Продолжай, Бриз.

– А дальше, Пуля, становится совсем интересно. Четвертое сентября. Пришла с головной болью. Попросила какую-нибудь таблетку. Мучают кошмары: шприцы, перевернутая машина, кровь на лобовом стекле, детские крики. Снова снился мужчина. Разглядела родинку на его плече. Память возвращается. Заплакала. Сказала, что во сне испытывала боль утраты. Не помнит коллег по работе. Окружение по-прежнему работает, но она перестала соглашаться на встречи.

Иван ощущал напряжение, витающее в воздухе. Дело становилось все запутаннее. Неожиданно ему показалось, что в отделе за ним наблюдают. Он отложил блокнот и осмотрелся по сторонам. Показалось.

– Ты здесь? – на другом конце провода проскочили нотки беспокойства.

– Да, продолжаю. Пятое сентября. Приснилась детская кроватка. Снова видит кадры из фильма о семейной паре. Испытывает необъяснимый страх. Головные боли усилились.

Иван сделал паузу и снова огляделся по сторонам. Чувство, что кто-то наблюдает не покидало.

– Пуля, я тут подумал. Может остальную информацию я сообщу тебе вечером? Сядем, поедим тортик?

Александра немного удивилась, но отказать другу не могла и ответила:

– С тебя тортик.

Иван бросил взгляд в сторону лестницы:

– Тебе какой?

– Рассчитываю на твой вкус.

Он улыбнулся и отключил связь.

Глава 5

Они часто работали вместе, сидя на уютной кухне в салатových тонах. Иван поставил «Муравейник» на стол и потянулся за чайником. Он хотел сделать подруге приятное, пока та разговаривала с матерью. Аккуратно нарезал торт, разложил по блюдечкам, разлил по кружкам чай. Вернувшись, Александра попыталась скрыть смущение за разговором.

– Мама просит приехать, говорит, я давно их не навещала. Просит сегодня. Объяснений не понимает. Я пообещала, что заеду завтра, если буду в тех краях, что, конечно, вряд ли, но она успокоилась.

Иван подвинул к ней блюдо:

– Я могу тебя подвезти.

– Нет, спасибо.

Она отломил кусочек и с удовольствием съела.

– Зачем тебе ездить на транспорте, когда есть друг, готовый довезти тебя в комфорте?

– С людьми интересно.

Она отломил еще один кусочек и добавила:

– Вчера я наблюдала за женщиной, чьи габариты довольно сложно назвать стандартными, и знаешь что? Она флиртовала с незнакомцем так уверенно, будто была Екатериной Климовой!

– Кто это?

– Актриса. Моя мама сходит по ней с ума.

– А в машине есть музыка, кондиционер и никто не наступает тебе на ноги.

– Не убедил, – и чуть тише добавила, – но спасибо.

Александра чувствовала смущение и не только потому, что он предлагал помощь. От него так пахло мятой и кедром, что у нее каждый раз немного кружилась голова. Стараясь взять себя в руки, она спросила:

– Блокнот принес?

– Как я и боялся, нас кто-то подслушивал и доложил Конюхову.

– И тот запретил вести со мной дело, – догадалась Александра и устало добавила. – Впрочем, как всегда.

– В общем, да. Блокнот забрал лично. Сказал, что покажет другому криминалисту, но не волнуйся, я все сфотографировал на телефон.

– Тогда доедай и начнем работать.

Иван посмотрел на блюдо Александры: второй кусок исчез словно невидимка.

Он с улыбкой заметил:

– Ты «пуля» не только в раскрытии преступлений, но и в поедании сладкого.

Она почувствовала, как щеки начинают пылать и поспешно встала из-за стола:

– Я за бумагами. Кстати, как ты себя чувствуешь?

– Последовал твоему совету, принял витамин С, прогрел легкие и чувствую себя на все двести.

Иван наспех засунул последний кусочек в рот и принялся убирать со стола.

Александра вернулась со стопкой исписанных листов.

– Ого! Да ты зря времени не теряла.

– Да, почитать Хайсмит не удалось.

Она села напротив, скрестив руки на груди:

– Сначала ты.

Иван достал из кармана брюк телефон и принялся зачитывать:

– Пятое сентября. Приснилась детская кроватка. Снова видит кадры из фильма о семейной паре.

– Это было. Ты остановился на головной боли.

– Подожди. Вот. Сказала, что помнит зеленый велосипед. Она упала с него, когда ей было пять лет и разбила коленку в кровь. Заплакала. Вспомнила о смерти матери. Имени не помнит, а вот цвет глаз ей достался по наследству. Глаза у нее действительно красивые. Светло-изумрудные.

Иван мельком взглянул на Александру и заметил, как вспыхнул огонек в ее глазах.

Продолжил чтение:

– Снова попросила таблетку от головы. Упала в обморок, когда рассказывала о семейной паре из фильма. Открыв глаза, вспомнила детское одеяльце со слониками и двухэтажный дом. Память возвращается достаточно быстро. У нас проблемы. Окружение работает, но она по-прежнему никуда не выходит.

Александра повертела красную ручку между большим и указательным пальцем и сказала:

– Я начинаю кое-что понимать.

– Я тоже. Продолжу. Последняя запись и угадай от какого числа?

– От восьмого сентября.

– Да! Это было сегодня утром как раз за час до того, как...

– Было совершенно убийство.

– Да! Похоже она все-таки убийца.

– Подожди, Бриз, не торопись с выводами. Читай дальше.

– Ее беспокоит кошмар, в котором она сама себе рассказывает, как прошел ее день. Рассказывает правду. Она рассказывает мне про дом, про мужа, дочь. Она даже вспомнила, что ее трехлетнюю дочь зовут Катюшка. Рассказала о друге мужа. Вспомнила и его имя – Алексей. Конечно, в ее голове еще каша и она путает события, но память возвращается слишком стремительно. Пора убедить босса в необходимости ее убрать, пока она сама нас не уничтожила.

Иван уставился на Александру:

– Ну что, Пуля, по-моему, все очевидно. Эта пациентка и есть убийца. Она вспомнила что-то и решила отомстить или поняла, что ее хотят убить. Правда улик у нас нет, но у этой женщины действительно был мотив.

Александра скривила такую гримасу, будто съела целый лимон без сахара.

– Не разочаровывай меня, Бриз. Ты спешишь.

Он улыбнулся:

– А по-моему, все очевидно.

– По-моему, эта женщина жертва.

– Может жертва, решившая отомстить?

Александра не ответила на улыбку и тяжело вздохнула:

– Не думаю. Сейчас объясню.

Тонкие как у пианистки пальцы стали перебирать бумагу. Он любовался этим зрелищем. Александра в работе была прекрасна: этот сосредоточенный взгляд, волевое лицо. Он мог бы помечтать, но решил не делать этого и перевел взгляд на ее бумаги. Сколько записей! Полицейские за такое время не нарыли бы и половины. Перед ним была поистине невероятная женщина. Александра, словно почувствовав настроение Ивана, опустила лицо еще ниже. Секунда и она бы уткнулась в белоснежный ворох. Наконец поиски завершились, и она заявила:

– На тех фотографиях, что ты мне прислал очевидно: убийства совершены профессионалом – на это указывают экспансивные пули. Стандартное входное огнестрельное отверстие для девятимиллиметрового калибра, а вот выходное отверстие – огромная рваная рана.

– Согласен.

– Дальше. Такие пули...

– Запрещены.

– Именно, – кивнула Александра.

– Но спецназ имеет доступ к такому оружию.

– Да. Подходим к главному: убийца или охотник, или полицейский.

– Согласен.

– А я уже подумала, что теряю тебя, – она явно издевалась, но он не обиделся. На нее он обижаться не умел. Александра продолжила:

– И дело не только в том, что из этих двух вариантов возможен только второй. Профессионал может выйти через главный вход и даже у всех на виду, но он никогда не станет вести себя, как испуганный зверь.

И еще более уверенным тоном добавила:

– Даже если это женщина.

Иван сделал попытку опровергнуть ее версию:

– А если у этой женщины сдали нервы? Или у нее начались эти ваши... – он замаялся.

Александра и так поняла продолжение и, не задумываясь, ответила:

– Сомневаюсь, что профессионалу может помешать такая мелочь.

– Но с другой стороны женщина-убийца могла выйти через черный ход.

– Возможно, но тогда ваша версия несостоятельна: ведь ее видели с центрального входа.

Она улыбнулась.

Иван улыбнулся в ответ:

– А как тебе версия Тарасевича?

– О психопатке? Слишком поверхностно. Сомневаюсь, что это правильный вариант.

– Тогда остается вариант ревности.

– Его я бы вообще не стала рассматривать.

– Почему?

Его удивление было таким по-детски приятным, что вызывало сердечный трепет. Она снова начала рыться в записях, достала лист с синим текстом и прочитала:

– Ревность как мотив для убийства вполне сойдет, но в нашем случае работал человек с холодной головой и твердой рукой. Ревность вышеперечисленное исключает, хотя...

– Но ведь человек мог быть в состоянии аффекта, и тогда эти правила не работают.

– Верно, поэтому ревность пока исключать все же не будем.

Иван молчал, разглядывая ее записи. Все предположения, все ее мысли были здесь, на листках бумаги и, так или иначе, вели к жирно обведенному ядовито-желтым цветом кругу, а в нем будто, огражденный от всего мира притаился неизвестный злодей.

Глава 6

Вспомни. Все началось с исчезновения.

Помню, как в семь утра зазвонил будильник на мобильном, и я вскочила так резко, что закружилась голова. В семь пятнадцать я стояла под душем и пыталась справиться с подачей холодной воды: кран, как всегда, барахлил, и я боялась, что держатель отвалится. Ему пора уже отвалиться, возможно тогда ты наконец починишь этот чертов кран, но, видимо, не сегодня – он все еще на месте. И да, я так и не смогла справиться с водой и теперь у меня покраснела кожа на большом пальце левой ноги.

В семь сорок я поставила яблочный пирог в микроволновку, ведь сегодня у тебя был важный день и помочь снять стресс мог только он – теплый бисквит с ароматными дольками.

В восемь ты так и не вышел из спальни, и я пошла тебя будить. Наши комнаты располагаются напротив, и сначала я заглянула к себе проверить не проснулась ли Катюшка, но она, как всегда, спала так крепко, что вряд ли бы проснулась, даже начнись война: это умение досталось ей от моего отца. У него был сон, которому мы с мамой всегда завидовали. Затем я накрыла Катюшку красным одеяльцем с белыми слониками, тем самым, что мы купили на хендмэйд-ярмарке неделю назад. Она его так любит: не заснет пока не укутается наподобие кокона и раскрывается только утром. Наша бабочка...

Бросаю взгляд на дисплей телефона – восемь десять. Иду в твою спальню. Пора просыпаться, а то ты опоздаешь на новую работу, а я не хочу, чтобы у тебя начались проблемы в первую же неделю.

Медленно поворачиваю ручку и слышу голос старшины Элтона Джона: его рок-н-ролл всегда вызывает у меня улыбку, ведь он пел в день нашего знакомства. Мелодия не замолкает и меня немного настораживает то, что ты не берешь телефон. Ну же, ответь на звонок.

Я приоткрываю дверь и первое, что мне попадает на глаза это мобильник: он лежит на полу рядом с прикроватным столиком кофейного цвета. Вспоминаю, что не сварила тебе кофе, но ведь даже самый вкусный яблочный пирог потеряет долю своего очарования без чашечки ароматного напитка. Закрываю дверь и бегу вниз по ступенькам.

Восемь пятнадцать. Пирог давно остыл, кофе готов и его аромат будоражит мои нервные окончания. Как давно я не пила кофе! Ты все не спускаешься. Слышу, как к дому подъезжает машина и выглядываю в окно – это синий «датсун». Алексей приехал. Машу ему рукой и снова смотрю на часы – восемь семнадцать. Наконец раздаются шаги. Оборачиваюсь. Наверху стоит Катюшка: надела твои тапки и с важным видом спускается с лестницы. На последней ступеньке я ловлю ее в свои объятия. Она смеется, и я в очередной раз отмечаю насколько она похожа на тебя. Твой цвет глаз. Серый. Твоя улыбка. Смех. Мне даже кажется, что у нее твой овал лица. Ничего моего. Забавно.

– А где папочка? – спрашивает она с легкой обидой в голосе, и я понимаю, что у нее есть право на эту обиду. Из-за работы ты так редко проводишь с ней время, но теперь все изменится и уже к вечеру Катюшка перестанет дуться, а завтра, возможно, ты сам сможешь забрать ее из садика. Я знаю, она об этом мечтает.

Отодвигаю стул, а Катюшка уже тянется за остывшим пирогом, хватая самый большой кусок и смеется. Я люблюсь на нашу дочь – на нее невозможно не любоваться. Она даже ест в привычной тебе манере: быстро, толком не разжевывая. Каждый раз я боюсь, что она подавится. Я все время за нее боюсь.

Катюшка доедает кусок и тянется за следующим. В такие минуты мне кажется, будто время останавливается. Может так оно и есть? Но тут раздается звонок в дверь.

– Это папочка? – спрашивает Катюшка.

– Нет, дядя Леша. Папа сейчас спустится, – отвечаю и понимаю, что здесь что-то не так. На Катюшке твои тапки, значит она была в твоей комнате, но почему тогда она тебя не видела? В голову лезут какие-то нелепые мысли о привидениях и человеке – невидимке, но мне не до смеха. Не успев открыть входную дверь, я бросаюсь к лестнице и, подходя к спальне, вижу все тот же мобильный на полу. Распахиваю дверь и не могу поверить своим глазам: простынь смята, одеяло свисает с кровати, но тебя нет. Конечно, ты мог быть в ванной, но пройти в нее можно только через мою спальню, а сегодня ты туда не заходил. Где же ты? Что за дурацкую игру затеял?

– Мама, дядя Леша спрашивает, когда папа спустится?

Слышу голос дочери и шаги Алексея. Говорю, что ты, наверно, в гараже и беги туда прямо в тапочках, хотя и не понимаю, что тебе может там понадобиться, ведь у нас нет машины. Пахнет краской и бензином, но там пусто: может, ты как-то сумел незаметно пройти в гостиную?

Несусь обратно в дом, беги в гостиную. В глаза бросается диван со слегка обшарпанной зеленой обивкой – я никогда не любила этот диван. Мы должны были его выбросить, но тебя все время что-то останавливало. Совершенно не вовремя я думаю о том, что теперь выброшу эту рухлядь.

Пробегаю глазами по стеклянному столику – здесь мы всегда играем в карты. В голову лезут воспоминания о нашей последней игре. Кажется, я выиграла или ты? И эта была игра на желание? Или на раздевание? Да, кажется, Катюшка тогда спала, на мне было жемчужное белье и мы... Что за мысли?! Зачем-то заглядываю под диван: тебя там, конечно, нет, но я нахожу старую открытку. Ее Алексей подарил на наш первый юбилей и красными буквами на ней выведены слова «МЕЧТЫ СБЫВАЮТСЯ!»

Я думаю о том, что мои мечты давно сбылись и сейчас мне нужно только одно – найти тебя. Я хочу, чтобы ты закончил эту идиотскую игру в прятки. Ты же знаешь, я не люблю прятки!

Как сумасшедшая бегаю по дому из угла в угол и ищу тебя. Зову в голос. Понимаю, что пугаю Катюшку. Я и сама напугана. Еще вечером мы ужинали всей семьей. Помню, как у тебя разболелась голова. Я лично помогла тебе лечь в постель и ночью, когда ходила в туалет, заходила и проверяла, спишь ты или нет, ведь я знаю, что ты по ночам всегда работаешь, но накануне такого важного дня ты должен был хоть немного поспать. И ты спал! Спал, черт возьми!

– Мама, мамочка, что с тобой?

Я не знаю что ответить. Просто не понимаю, что происходит. Может Алексей знает, что за шутку ты придумал? Оборачиваюсь и вижу Катюшку: она напугана и тербит меня за подол халата.

– А где дядя Леша? – спрашиваю я и вижу ее теперь уже растерянное личико.

И только теперь замечаю еще одного человека – мужчину в полицейской форме.

...

Мария проснулась посреди ночи на мокрой от слез подушке и со спутанными от беспокойного сна волосами. За окном полная луна изменчиво глядела с небосклона. Она то появлялась, то исчезала в дымных облаках. Это было волшебство современного мира – наблюдать за жизнью ночного неба. Мария разглядела несколько маленьких звездочек, похожих на песчинки небесного океана и, наконец, смогла успокоиться. Сердце забило в привычном ритме, а дрожь сошла на нет, и лишь слезы по-прежнему стекали по щекам: молчаливые и невероятно холодные.

Память возвращалась резко, скачками, но она уже могла точно сказать, что дом из сна настоящий так же, как и гараж, принадлежавший бывшему владельцу. Она не помнила ни его имени, ни фамилии, но знала, что он продал этот дом со скидкой. Цена была снижена из-за

неудобства расположения ванной комнаты: мало кому понравится, когда твоя спальня совмещена с туалетом и душем. Ее это не беспокоило. Она просто хотела иметь возможность выезжать на свежий воздух – все остальное мелочи. Мария вспомнила и ожог. Палец действительно жутко ныл и пришлось, претерпевая боль, готовить завтрак. Это были гренки, и она помнила их вкус.

Вспомнила и расположение комнат, и поскрипывающую лестницу, и кремовые обои, и корзину с искусственными розами, и даже фотографию в рамке. Эти мужские глаза серого цвета волновали ее, заставляли сердце вновь сбиваться со своего ритма. Но как она ни пыталась, никак не могла вспомнить кем могли оказаться люди из сна, ведь она никогда не была за рубежом и у нее не было детей. Так кто же эти двое? И кто такой Алексей?

Сознание порой играет злые шутки и позволяет воображению путать настоящее и фантазии. Так подумала и Мария. Мужчина и девочка из сна лишь плод ее мечты. Она ведь не могла забыть, что у нее есть семья, правда? А внутренний голос настойчиво шептал: *«Вспомни. Вспомни»*.

Но у нее не получалось.

Умывшись теплой водой и завязав волосы резинкой, она прошла на кухню и решила попытаться поесть. Последнее, что она ела это бутерброд с сыром и было это давно – перед походом к психологу. Это воспоминание ужасом отозвалось в каждом из ее нервных окончаний. Виктор Андреевич был убит. Убита была и администратор Ольга. Это словно кошмар, сквозь который не может пробиться даже тоненький луч света. Вся ее жизнь после аварии – это кошмар. Аппетит разом пропал, и она тяжело опустилась на табурет у окна. На кухне было прохладно: отопление еще не включили после лета, но холод, царивший в ее памяти был куда сильнее.

Так она и просидела до самого утра напуганная, растерянная и бесконечно одинокая.

Глава 7

Полиция искала убийцу и все-таки женщину. Ни Ивана, ни Александру никто не послушал. Показания свидетеля, старушки лет восьмидесяти, мало что дали. Из-за слабого зрения она видела лишь то, что волосы у подозреваемой были темного цвета, предположительно черного, зато и растерянность, и что-то наподобие ликования запомнила четко. Она сказала, что сразу подумала, что та женщина психопатка.

Базы клиентов в психологическом центре не нашлось, впрочем, как и самого центра «Надежда». Его попросту не существовало. Вымышленное название, вымышленные услуги. В действительности там раньше располагался филиал предприятия АО «АспирИН» по выпуску твердых лекарственных форм. Причина закрытия была неизвестна, и уже полгода как здание пустовало. Этот факт следователей нисколько не смутил, хотя название и было на слуху. Все были зациклены на выяснении личностей убитых, но и тут возникли свои трудности: бейджики с именами оказались липовыми. В карманах одежды не было найдено ни единого документа. Жильцы домов, расположенных по соседству с вымышленным центром, не узнавали по фотографиям ни мужчину, ни женщину и только несколько человек вспомнили, что видели эту пару и сообщили, что те всегда приезжали вместе на черной «тойоте», но номерных знаков, конечно, никто не запомнил. На месте преступления и в ближайших окрестностях машину так и не удалось найти.

Через сутки молодому оперативнику Федорову поступило сообщение о том, что на «горячую линию» звонил подросток, который сообщил, что видел возможного убийцу, мужчину лет сорока. Тот вышел с черного хода и сел в черную «тойоту». Решили, что шутка, ведь все настойчиво искали убийцу женского пола.

Пальчики так же не обнаружались в базе данных. Единственной зацепкой по установлению личностей убитых оставался блокнот с ядовито-зеленой обложкой. Слабая надежда, но Иван Резников собирался выяснить все что было возможно.

И невозможно.

В лабораторию почерковедческой экспертизы он приехал на час раньше назначенного времени и к тому моменту, когда Кирилл Анюхин вышел с результатами, уже успел сообщить Александре о верности ее предположения насчет экспансивных пуль, выпить два стаканчика кофе и прочитать первые тридцать страниц книги «Незнакомцы в поезде».

– Ты тут давно сидишь?

Иван захлопнул книгу и поднял глаза: перед ним стоял седовласый Толстой. У Анюхина было такое же доброе лицо и такая же густая длинная борода.

– Здравствуйте, Кирилл Андреевич.

Он приподнялся и поспешно убрал книгу в портфель.

– И тебе не хворать, – Анюхин улыбнулся. – Я тут немного подустал. Может спустимся в кафе? Там все и обсудим.

Они выбрали самый дальний столик в углу. Иван дождался, пока Кирилл Андреевич закажет крепкий чай с сахаром и насладится его терпким ароматом. Анюхин сделал два неспешных глотка, вытащил документы из папки и произнес:

– Я не волшебник и не знаю поможет ли эта информация, но кое-что сообщить могу.

Иван приготовился жадно внимать каждому слову.

– Ваня, ты знал, что наша рука лишь инструмент для передачи информации, посланной мозгом? – начал Анюхин.

– Вы это уже как-то говорили, – ответил Иван, припоминая многочисленные лекции «Толстого».

Кирилл Андреевич подвинул стул к Ивану:

– Так вот, начнем с общей картины: почерк компактный, наклон около двадцати градусов, легкий нажим, заглавные буквы среднего размера, чуть округлые, строка уходит немного вверх. Это все, за исключением размера букв – признаки человека достаточно уравновешенного, целеустремленного с адаптивностью выше среднего. Перед нами не лидер, а скорее ведомый. Можно с уверенностью утверждать, что человек неагрессивный, любит общество, достаточно открытый, но при этом умеющий контролировать свои эмоции. Правша. А теперь к конкретике. Обрати внимание на буквы «з», «у» и «д».

Иван внимательно рассматривал те места, в которые тыкал Анюхин своим мясистым пальцем, но кроме обычных букв ничего не видел и честно признался:

– Я не понимаю.

– Посмотри на петли. Они тонкие и узкие. Это означает, что жертва тщательно выбирала свое окружение.

Иван молча кивнул.

Анюхин продолжил:

– А вот у букв «р» и «ф» длинные и уверенные штрихи, что говорит о решимости в характере. Так же на это указывают последние буквы. Они четкие и твердые, и еще одинаковые пробелы между словами. И строками, кстати, тоже. А, глядя на постоянство букв и соблюдение пунктуации, я бы предположил, что человек хоть и был ведомым, но вполне мог занимать руководящую должность. И еще, чуть не забыл, имена «Катюшка» и «Алексей» написаны слегка неряшливо, торопливо. Они явно вызывали у него волнение, а это значит убитый был знаком с теми, о ком говорилось.

Он замолчал, отложил записи в сторону и снова принялся за чай.

– Но как это может помочь с установлением личности? – Иван нахмурился и потер подбородок.

– Я бы на вашем месте спрашивал среди руководителей или бизнесменов, – улыбнулся Анюхин, от чего стал похож на старого довольного кота.

– И где мне их взять?

– Этот центр располагается на улице Пограничника Гарькавого?

– Да.

– Раньше там неподалеку было кафе «Элитное», – вздохнул старик. – Название, знаешь ли, оправдывает свои цены. Я пару лет назад хотел туда зайти вместе с женой, сделать ей, так сказать, подарок на восьмое марта. Вот дурак: знал бы какие там цены, не позорился бы.

Он бросил взгляд в сторону прилавка с едой:

– У нас на те деньги, что у них просят за чашку кофе можно наесться до отвала.

Иван задумался:

– Признаться, там мы не спрашивали. Кафе далековато от места преступления.

– А ты испытай судьбу. Это конечно так, предположение, основанное лишь на интуиции, но вдруг повезет? Если у вас нет других зацепок, то пробуйте всё.

Он допил чай и поставил чашку на стол.

– А что, кстати, думает наша Сашенька по всему этому?

Иван услышал в его голосе душевные, почти отеческие нотки и ответил:

– Уверена, что полиция не того, вернее, не ту ищет. А еще она очень по вам скучает.

– Я тоже, – тихо произнес Анюхин. За пять лет работы она успела ему стать почти что внучкой. Он ни раз предлагал ей перейти к нему в лабораторию, говорил, что ее интуиция – дар, но она предпочитала активное участие в следствии. Сидеть за столом и изучать под лупой бумажки было не для нее.

Он улыбнулся грустно так и по-старчески трогательно, а затем произнес:

– Передавай привет и скажи, чтобы не забывала дедушку.

Глава 8

Фасулидзе была невероятно рассеянной, и Александра вынуждена была сдерживать свое раздражение. Уже в четвертый раз она подсказывала Инге как по мимике и жестам распознать, что человек лжет, но та ее будто не слышала. Да что там: она постоянно отвлекалась и посматривала на мобильный! И если на тот случай с дохлой крысой Александра просто закрыла глаза, то здесь ей приходилось полностью абстрагироваться от заносчивости этой девочки с помощью методики, которую она сама назвала «Не думай о лишнем».

В то время как Инга делала вид, что внимательно изучает предложенные видеозаписи, Александра делала вид, что внимательно изучает ее, а сама плыла по течению своего сознания, отыскивая ответ на вопрос: «Как найти Незнакомку с потерей памяти?».

Известно было всего два факта: темноволосая женщина со светло-изумрудными глазами. Таких миллион, а ей нужна была одна – та, что посещала психологический центр «Надежда».

Александра пыталась представить ее: старше двадцати и скорее всего даже средних лет. А что, если предположить, что они одногодки? Тогда и Незнакомка станет более реальной.

Итак, ей двадцать восемь. Темные волосы, по описанию старушки, даже черные. Прическа. Короткая стрижка отпадает, в противном случае свидетель приняла бы ее за мужчину.

По опыту Александры люди старшего поколения всегда относились с некой брезгливостью к женщинам с мальчишескими прическами.

Дальше. Волосы средней длины или длинные, но вряд ли ниже поясицы: прошли времена, когда Рапунцель была в моде. Современная жизнь навязывает иных кумиров.

Одежда. Что-то неброское, некричащее. Яркую одежду старушка бы точно заметила.

Опять же, по ее наблюдениям, пожилые люди всегда замечали наряды, бросающиеся в глаза.

Как-то в старшей школе она пошла на дискотеку в розово-желтом платье, и соседки по подъезду сразу это заметили и сообщили ее матери. Ох, и влетело ей тогда... Но мать ругала ее не за отсутствие вкуса, а за откровенность. На платье был вырез до самого бедра.

Александра улыбнулась воспоминанию и мельком взглянула на Ингу. Та делала вид, что усердно анализирует представленные видео материалы и ищет признаки лжи. Александра вернулась к своим размышлениям.

О чем говорит обычная одежда? О том, что женщина не любит выделяться из толпы, по крайней мере внешне. Следуя этому, можно предположить, что и макияж у Незнакомки или неброский, или вовсе отсутствовал.

Преступление было совершено с девяти до десяти утра. Незнакомка была примерно в это же время и, по словам свидетельницы, которая всегда в это время ходит в «Дикси», ушла не позднее десяти. Если учесть тот факт, что она шла пешком, то можно предположить два варианта: либо она приехала на такси, либо живет неподалеку, так, как если бы у нее все же была машина, то она бы припарковала ее на стоянке у центра, но стоянка пустовала. С другой стороны, она могла бы припарковаться у черного входа, но только зачем? Стеснялась посещать психолога? Пряталась? И если так, то зачем было обходить здание, если можно было выйти через другую дверь? Последний вариант: она живет поблизости и этому могут быть подтверждения. Во-первых, в последнюю неделю она была на приеме трижды и либо у нее достаточно денег, чтобы так часто оплачивать такси, либо она живет совсем рядом. К примеру, через дорогу.

Она снова оторвалась от своих записей. Инга как ни в чем не бывало водила пальцем с идеальным французским маникюром по экрану мобильного и при этом улыбалась. Вероятнее

всего сидела в одной из соцсетей. Александра сделала вид, что ничего не замечает и вернулась к своим размышлениям.

Предположим, этот вариант верен. Но она забыла про общественный транспорт! Незнакомка могла приехать на автобусе или на маршрутке, тогда возможность ее найти резко снижается. Это все равно что искать иголку в стоге сена.

Детектив почувствовала, что упирается в тупик. С какой стороны не подходи, а личность Незнакомки остается тайной. Однако, она распутала немало дел, справится и с этим: нужно лишь сосредоточиться, а для этого следует разобраться с насущной проблемой, сидящей в кабинете. Александра поднялась из-за стола и подошла к Инге:

– Какой правильный ответ?

Девушка поспешно спрятала телефон и дерзко уставилась на детектива. Александра не могла в это поверить: ничему не хочет учиться и совершенно не стесняется своей необразованности!

– Ну, я думаю, лжет вот тот мужик с первого видео. – Инга махнула рукой в сторону экрана.

– Объясни.

Инга сделала вид, что задумалась:

– Ну, он часто касается своего подбородка.

Александра тяжело вздохнула:

– Неверно.

– И что это снова будем моим домашним заданием? – Инга даже не скрывала своего раздражения.

– А в этом есть смысл?

– Александра...

– С прошлым заданием ты не справилась, с этим, я думаю, тоже не справишься.

– Но это нечестно! – Инга так резко вскочила, что опрокинула стул. Ее идеально прямые пшеничные волосы вихрем отлетели назад.

– Что вы тут строите из себя всезнайку? Сами-то знаете правильный ответ?

Еще и наглая. Александра подняла стул, села и включила повтор. Не прошло и трех минут, как она сообщила:

– Женщина на втором видео лжет. Она касается яремной ямки, причем не один раз. Ерзает на месте, постепенно отворачиваясь от собеседника. Во время ответа на вопрос смотрит вверх и влево. Прячет пальцы рук то между коленями, то в подмышечных впадинах.

Инга замолкла, но вместо ожидаемого «извините», Александра услышала совсем другое.

– Черт! Вы что вообще все знаете?!

Александра почувствовала раздражение. Это задание было элементарным, и ответ лежал на поверхности. Она специально дала самое простое задание, но Инга и его провалила, лишний раз доказав, что ни разу не открыла учебник по психологии. Ни разу не прослушала аудио лекцию, составленную Александрой.

– Но мне-то зачем все это уметь? Если что, я буду обращаться к вам, можно? – Из наглой и дерзкой девчонки Инга вмиг превратилась в милейшую из милейших. Александра испытала отвращение к такой двуличности и холодно объявила:

– Твой отец просил, чтобы тебя научили всему, вот я тебя и учу, но на этом уроки закончились. Ты провалилась. Можешь передать своему отцу чтобы искал тебе другую профессию.

Она собрала бумаги со стола и вышла из кабинета.

...

Сидя дома на уютном диване и наблюдая за ветвями деревьев, что качались в такт друг другу, она могла спокойно рассуждать и не торопясь обдумывать все варианты. Верные помощ-

ники: набор цветных ручек и кипа чистой бумаги лежали перед ней на столике и ждали своего звездного часа, но Александра не торопилась. Она мысленно раскладывала детали по полочкам, и, только наведя там порядок, начала делать первые записи.

Незнакомка ходила в частный психологический центр «Надежда». Как она его нашла? Увидела объявление, случайно наткнулась, кто-то подсказал? Если подсказал, то кто? Лжеспсихолог писал про какое-то окружение. Что он имел в виду? Если она потеряла память, то скорее всего не помнила и своего окружения, так, значит кто угодно мог представиться ее другом и, предположим, подсказать адрес центра. Но станет ли человек, потерявший память доверяться незнакомцу? Возможно, если ничего другого не остается. А если этот кто-то дал адрес центра, значит он знал, что центр фальшивый. Или нет? Центр начал работать чуть больше месяца назад, а если точнее...

Она вспоминала информацию, любезно предоставленную другом.

А если точнее незадолго до первого сеанса с Незнакомкой. Как будто специально. И еще Бриз что-то говорил о запущенности здания. Да. В двухэтажном здании работал лишь кабинет этого лжеспсихолога. Неужели Незнакомку не встревожил этот факт?

Александра снова попыталась представить женщину: темные волосы, падающие на лицо, затравленный взгляд, неуверенность в себе и абсолютная ведомость. Или наивность. Такую женщину вряд ли кто заметит на улице. Она действительно похожа на невидимку.

Взглянув в окно и обратив внимание на усилившийся ветер, Александра вернулась к записям.

Допустим, этот факт ее не смутил. А даже если и смутил, то она доверилась человеку, который посоветовал этот центр. Человеку по-настоящему близкому или тому, кто легко входит в доверие. И если интуиция подсказывала, что первый вариант неверен, то второй выглядел очень привлекательным. Получалось, что она доверилась кому-то незнакомому и скорее всего женщине, что было бы логично, ведь женщины чаще всего доверяют именно женщинам. А, поскольку эта женщина посоветовала обратиться к фальшивому психологу, то, вероятнее всего, она из его окружения. Вот, что значит «окружение работает»! Незнакомку окружали фальшивыми близкими людьми!

От сознания того, что в деле начинает что-то проясняться, даже немного вспотели ладони. Александра вытерла их о домашние штаны, отметив, что цвет слоновой кости уже больше похож на грязно-серый и, недолго думая, забросила их в стиральную машину. Затем надела халат и вернулась на диван.

За окном собрались тучи и уже через минуту капли дождя завели свою заунывную песню. Она смотрела на их мирное падение и думала о Незнакомке, чью жизнь так жестоко изменила авария.

Авария. И как она не увидела очевидного раньше? Александра спешно стала записывать.

Незнакомка потеряла память, значит должна была лежать в больнице, а там должны были сохраниться ее данные. И кто-то должен был ее из этой больницы забрать. Возможно та же «знакомая» женщина.

Необходимо было проверить новую зацепку. Она достала мобильный из сумочки и принялась обзванивать больницы. Интуиция подсказывала искать пациентов, поступивших в июле.

Глава 9

Ну же! Все началось с исчезновения. А до этого он пришел домой сам не свой и все рассказал. Я была напугана не меньше и предложила обратиться в полицию, но он остановил.

Мы сидели в спальне и молча смотрели телевизор, не решаясь обмолвиться и словом. Я первая потянулась за телефоном, набрала номер Алексея и сказала, что ты приболел.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.